

В. Ш. ГЛУХОВ

К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь

Одним из наиболее спорных и до настоящего времени не разрешенных вопросов в изучении „Слова о полку Игореве“ является вопрос о пути Игоря в Половецкую степь и о месте его сражения с половцами.

В предлагаемых заметках мы делаем попытку определить цели Игорева похода, состав его войска и возможный район битвы, подвергнув критике один из последних вариантов пути Игоря, предложенный К. В. Кудряшовым.¹

Всякий поход подготавливается в соответствии с поставленными целями, поэтому, для того чтобы правильно судить о характере похода и его возможных путях, надо постараться выяснить цели Игорева похода.

Само „Слово о полку Игореве“ своими прямыми и косвенными показаниями свидетельствует, что новгород-северский князь задумал большой поход в глубину Половецкой земли. Бояре в „Слове“, толкуя сон Святослава, так характеризуют цель Игорева похода: „поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомь Дону“.² „Поискати града Тмутороканя“ — это максимальная задача похода. Тмуторокань с конца X века была русским форпостом, выдвинутым далеко на юг; в конце XI века она была потеряна в связи с нашествием половцев. Поэтому цель вернуть русские владения является вполне закономерной. Она закономерна для Игоря еще и потому, что раньше Тмуторокань принадлежала его деду Олегу и Игорь мог желать поискать свою „дедину“. В качестве минимальной задачи похода ставится „испити шеломомь Дону“, т. е. дойти до Дона. В этом свете представляет интерес отрывок „хошу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго... а любо испити шеломомь Дону“.

Рядовая задача вступить в бой на ближнем конце „поля Половецкаго“, т. е. на границе своего государства, не была бы достойна упоминания в „Слове“ и не могла бы вызвать восторженной тирады автора — „О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталь“, — тирады, которая является как бы ответом на слова Игоря, так как помещена она вслед за ними. При наличии такой за-

---

¹ К. В. Кудряшов. „Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении. В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник статей. Гослитмузей, М., 1947, стр. 43—86. Эта статья повторена в кн.: К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Географгиз, М., 1948, стр. 42—83.

² Здесь и дальше текст „Слова“ цит. по кн.: Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

дачи были бы необъяснимы упоминания Корсуня, Сурожа, Помория и Тмутороканского болвана, а также упоминания Дона, которые окружают указанный отрывок и связаны с ним.

Итак, можно думать, что Игорь ждал встречи с половцами не у границ Руси, а в противоположном конце „поля“, так как он отправлялся в поход весной, когда основные массы половцев еще находились в коренных своих землях на зимовищах. Имея это в виду и то обстоятельство, что половцы перед тем потерпели ряд поражений, Игорь и мог сказать: „Хошу... копие приломити конецъ поля Половецкаго... а любо испити шеломомъ Дону“. В связи с этим напрашивается вопрос — не заключается ли в этих словах намек на максимальную и минимальную задачи похода, так же как и в словах бояр: „Поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону“.

Сказанное выше находит подтверждение и в других показаниях источников. Во-первых, думаем, что в словах Ипатьевской летописи „и оттуда придоша к Салнице“¹ содержится намек на то, что в минимальную цель похода Игорь включал не только Дон, но и Донскую Сальницу, где Мономах в 1111 году одержал решительную победу. В связи с этим летописец Ипатьевской летописи мог указать Сальницу как границу минимальной задачи, поставленной Игорем. Во-вторых, если бы Игорь и его соратники не ставили далеко идущих целей и не намеревались поравняться славой с прославленными князьями прошлого, то какое бы было право у Святослава Киевского бросить Святославицам упрек в том, что они „рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати“. Святослав далее прямо говорит, что Святославици претендовали и на славу предков („Нъ рекосте: «Мужаймѣя сами: преднюю славу сами похитимъ, а заданюю си сами подѣлимъ!»“). В-третьих, в этом смысле особое значение приобретает авторская ремарка: „Почнемъ же, братие, повѣсть сию от стараго Владимирера до нынѣшняго Игоря“. Цель, поставленная Игорем, — „поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону“ — достойна сравнения с военными целями и Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Если бы автор имел в виду определить только исторический диапазон повествования, то он скорее бы сказал „от стараго Владимирера до нынѣшняго Святослава“ (князя Киевского и условно князя всей Руси), а не до Игоря — князя небольшого удельного княжества. В-четвертых, на значительность похода указывает и отрывок „вести послухати — земли незнаемѣ, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутораканьскій бльванъ“. Эти слова нельзя понять иначе, как указание на то, что поход Игоря угрожал всей „земли незнаемѣ“ — от Волги до Днестра, от Суды до Крыма и Тмуторокани. Как бы гиперболически автор „Слова“ ни мыслил, он не мог бы так сказать о походе только в район Орели или Тора. Рисуя картину перед боем, автор показывает, что и половцы восприняли Игорев поход как угрозу всей Половецкой земле и поэтому противопоставили русским объединенные силы. К месту сражения „половцы идуть отъ Дона (донские, — В. Г.), и отъ моря (поморские, — В. Г.), и отъ всѣхъ странъ“; большие массы конницы взмутили воду в реках, отчего реки „мутно текутъ“, подняли пыль по степи („пороси поля прикрывають“); от топота коней земля гудит („земля тутнетъ“).

¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, дополненное, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 166.

С показаниями „Слова“ перекликаются показания Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Они согласно утверждают, что против Игоря войска выступила вся Половецкая земля („послашася по всей земли своей... и приспе к ним дружина вся, многое множество, и рече Игорь: «се, ведающе, собрахом на ся землю всю»“.¹ Наконец, не случайно, вероятно, и то, что, обращаясь к прошлому, автор „Слова“ упоминает почти исключительно тех князей, деятельность которых была связана с Тмутороканью или Доном, и что Тмуторокань упомянута в „Слове“ четырежды, а Дон тринадцать раз.

Значительность целей похода, условия географические и условия времени убеждают нас в том, что войско Игоря было конным. Если в IX—X веках, отправляясь в походы против Византии и Дунайской Болгарии, русские использовали конницу в ограниченном количестве, опираясь на многочисленный флот, то в XI—XII веках Русское государство самими обстоятельствами вынуждено было большим массам степной конницы противопоставить свою конницу. Театр военных действий стал огромным: от Волги до Дуная, от Сулы до Азовского и Черного морей. Изменились условия поиска противника, ведения боя, наступления и отступления — война стала маневренной. Вот почему значение лодейного флота при борьбе с кочевниками падает, а „конница в это время стала играть главную роль“.²

Насколько возрастает значение конницы в XI—XII веках, свидетельствует тот факт, что когда Изяслав в 1068 году потерпел поражение, киевляне говорят: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“.³ То, что князья имели большие табуны коней, подтверждается целым рядом летописных записей. Так, например, Ипатьевская летопись сообщает, что Василько Романович во время похода по земле Белзской и Червенской захватил „многи плены, стада коньска и кобыля“, что при победе Всеволода Юрьевича в 1177 году князь и его союзники „села боярские взяша, и кони, и скот“.⁴ Под 1146 годом летопись называет „тобун князей Игоря и Святослава в 3000 кобыл стадных и 1000 коней“.⁵ Летописное известие 1170 года говорит, что Мстислав Мстиславич отослал от себя Петра и Нестера Бориславичей „про ту вину, яко холопи ею кони Мъстиславли покрадоша в стаде и пятна на них свое въсклали“.⁶ Традиция князей иметь собственные табуны коней прослеживается в духовных грамотах князей. Например, в духовной великого князя Ивана Ивановича говорится: „А что моих стад коневых, и жерепцев, и кобылиць, а то сыну моему князю Дмитрию и сыну моему князю Ивану, то им наполю“. В духовной князя Серпуховского Владимира Андреевича сказано: „А что мое стадо седельное, кони, и лошаки, и жеребци, и кобылье стадо, а то дал есмь княгине своей... А что есмь стада подавал детям своим, и те стада детям моим“.⁷

Таким образом, князья, имея большие табуны коней, могли в случае похода сажать на конь городское ополчение и своих смердов.

¹ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 173, 173—174, 167.

² История культуры древней Руси, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 404.

³ Повесть временных лет, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 114.

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 137, 179.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, М., 1949, стр. 328.

⁶ ПСРА, т. XXV, стр. 78.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16, 50.

Не исключена и та возможность, что в случае больших походов¹ комплектовалось конное войско из смердов на принадлежащих им лошадях, на что есть намеки в летописном описании Делобского съезда. На съезде Мономах говорит: „Дивно ми дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смерд и приехав половчин ударить ѿ стрелою, а лошадь его поиметь... То лошади жаль, а самого не жаль ли?“¹ Эти слова можно понимать в том смысле, что лучше оторвать смерда с лошадью для защиты родины, чем дожидаться того, что враг и самого смерда убьет и лошадь его захватит. Однако в походе 1103 года пешцы еще участвуют, перемываясь по Днепру в лодьях; в походе же 1111 года Мономах и другие князья имеют только конное войско, поскольку они идут к Дону и трасса похода только пересекает реки.

Вероятно, и Игорь, задумав глубокий конный рейд, комплектовал конное войско, отказавшись от пешцев, так как они связывали бы маневренность конницы. Ни в „Слове“, ни в летописях нет указаний на то, что в походе участвовало пешее войско, в то время как указания на конный состав войска многочисленны (о „черных людях“, упоминаемых Ипатьевской летописью, мы скажем ниже).

Таким образом, Игорь поставил перед собой большие цели, в соответствии с ними скомплектовал войско и частично осуществил их, достигнув Дона, на что имеется ряд намеков и прямых указаний в „Слове“. Есть одно летописное свидетельство, обычно упускаемое исследователями, которое прямо относит место битвы Игоря к району Дона. Мы имеем в виду Архангелогородский летописец (Устюжский летописный свод), в котором говорится: „И поиде Игорь Всеволодович (Святославич, — В. Г.) за Дон з двема сыньми и братаничи, а не ведающе строения божия и тамо побша их татарове без вести“.²

* * *

Всем отправным выводам, которые мы привели выше полностью, противоречат положения К. В. Кудряшова, высказанные им в статье „Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении“.³

К. В. Кудряшов полагает, что северские князья собрались у границ Переяславской земли и отсюда двинулись к верховьям Донца „между Сеймом и Пселом по водоразделу, служившему рубежом между Северским и Переяславским княжествами“, т. е. выходит, что они двинулись от Путивля не на юго-восток, как следовало бы ожидать, а на восток или точнее немного на северо-восток. И только поравнявшись меридиально с Курском, находясь от него в 50 км, князья повернули на юго-восток, а затем на юг, идя по водоразделу между Донцом и Осколом. Приложенная к исследованию Кудряшова карта похода показывает, что Игорь потратил несколько дней пути только для того, чтобы, пройдя от Новгорода 250 км или от Путивля 160 км, оказаться по параллели на уровне Путивля же, а меридиально на уровне Курска, вместо того чтобы быть на 160 км юго-восточнее Путивля, на подступах к городу Донцу. Видимо, для того чтобы сгладить это противоречие, автор говорит, что Игорь шел таким путем, „быть может, надеясь шедшего из Курска Всеволода встретить именно здесь,

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 183.

² Устюжский летописный свод. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 44.

³ См.: Слово о полку Игореве. Сборник статей. Гослитмузей, М., 1947, стр. 43—86.

на перекрестке дорог“, т. е. у верховьев Северского Донца и Сейма.

Однако предположениям К. В. Кудряшова можно противопоставить ряд соображений.

Во-первых, невероятно, чтобы Игореве войско так непроизводительно тратило время и свои силы.

Во-вторых, если именно так было условлено, то почему Игорь, достигнув верховьев Сейма и Донца и находясь в 50 км от Курска, не стал ждать Всеволода здесь, в условленном или предполагаемом месте встречи? Автор исследования объясняет это так: „Вероятно, Всеволод запоздал потому, что в действительности (!?) встреча братьев произошла южнее, между Осколом и Северским Донцом“, ¹ т. е. в 50 км восточнее Донца, на водоразделе. Если Игорь не встретил Всеволода в предполагаемом месте встречи на роستانех, то какие же были у Игоря основания думать, что Всеволод запоздал к перекрестку дорог, будучи от него в 50—60 км? Если все же он пришел к такому выводу, то, очевидно, должен был ждать брата здесь, а не двигаться дальше. Допустим, наконец, что, по его мнению, напротив, Всеволод его опередил, то тогда почему Игорь, пройдя каких-нибудь 70—100 км, остановился, чтобы ждать брата, а не отправился его догонять? И далее, если Игорь решил не ждать брата, то почему так же должен был поступить и Всеволод, придя к месту встречи? Не логичнее ли то, что Всеволод, не встретив брата, должен был бы остановиться и ждать Игоря. Но если бы он так поступил, братья одновременно ждали бы друг друга в разных местах. Однако этого не произошло, и братья встретились благополучно на водораздельной линии между Донцом и Осколом, откуда следует, что и Всеволод не ждал Игоря. Выстает вопрос, почему они оба поступили неблагоприятно, будучи опытными военачальниками? Конечно, идя дальше по пути предположений, можно было бы сказать, что братья руководствовались приметам, снеслись друг с другом при помощи нарочных и т. д., но автор исследования этого не делает — то ли потому, что не видит противоречий, то ли потому, что умалчивает о них.

В-третьих, в Ипатьевской летописи сказано, что Игорь „перебрел Донец“: „И тако приида ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода: тот быаше шел инем путем ис Курьска“. ² Отсюда следует несколько выводов: если Игорь, несмотря на вечернее время, переправился через Донец и пошел к Осколу, то, значит, Оскол был близко и Игорь торопился достичь его; но если он торопился его достичь, а достигнув, два дня ждал брата, то, значит, место встречи было обусловлено и Игорь не сомневался в том, что именно сюда придет Всеволод. Идти к какой-нибудь реке — это значит двигаться к ней перпендикулярно или наискось от исходной точки, но во всяком случае не параллельно реке по водоразделу, не подходя к ней. У К. В. Кудряшова выходит, что Игорь ждал брата на водоразделе, на равном расстоянии от Донца и Оскола, а затем, соединившись с братом, шел 180 км по водораздельной линии, так и не придя к Осколу до самого Изюмского перевоза.

Далее, если в летописи сказано, что Всеволод к месту встречи шел „инем путем“, то, значит, он шел именно иным путем. Нельзя же

¹ К. В. Кудряшов. „Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении, стр. 65, 66.

² А. С. Орлов, ук. соч., стр. 166.

всерьез за иной путь принимать путь в 50 км от Курска до точки пересечения с Игоревым путем. Видимо, имел это в виду и К. В. Кудряшов; сославшись на то, что, „вероятно, Всеволод запоздал“, он отодвинул место встречи, проложив путь Всеволода по дуге от Курска к тому месту на водоразделе, где, как уверяет автор, братья встретились; тем самым он удлинил путь Всеволода до 150 км, но и этот путь трудно принять за иной, и потому К. В. Кудряшов его еще более удлиняет, беря начало не от Курска, как в летописи, а от Трубчевска. Вероятно, автору это понадобилось для того, чтобы создать видимость иного пути Всеволода.

В разбираемой работе и в других своих исследованиях К. В. Кудряшов утверждает, что дневной переход русских войск равнялся 25—30 км. Однако, „обратившись к масштабным измерениям на карте, не трудно убедиться“¹, что, согласно маршруту К. В. Кудряшова, Игорь от Новгорода-Северского до верховьев Донца перекрыл за 9 дней путь в 300 км, т. е. проходил в день по 35,5 км. Если же взять весь маршрут в целом (от Новгорода до реки Торца), то выходит, что за 15 дней пути (с 23 апреля по 10 мая минус два дня на ожидание Всеволода) Игорь прошел 570 км, т. е. проходил в среднем 38 км в день. Таким образом, протяжение разработанного К. В. Кудряшовым маршрута похода находится в явном противоречии с его же утверждением о величине суточного перехода. Если все же принять, что суточный переход в среднем составлял 25 км, то тогда получается, что на путь от Новгорода до верховьев Донца Игорь потратил не 9, а 13 с лишним дней, и всего затратил на переход от Новгорода до Торца не 15, а почти 23 дня ($570:25=22,8$), а это не менее противоречиво.

Таким образом, мы осмеливаемся сказать, что в разобранных вопросах построения К. В. Кудряшова не выдерживают критики.

* * *

В разбираемом исследовании К. В. Кудряшов категорически утверждает, что летописная Сальница впадала в Донец против Изюмского перевоза между реками Изюмом и Изюмцом, впадающими на расстоянии 2 км друг от друга; в этом он основывается на указании нескольких экземпляров печатного издания 1792 года „Книги Большому чертежу“, в которых говорится: „А выше Изюма пала в Донец с правой стороны река Сальница. И ниже тое Изюмец“. Суждением К. В. Кудряшов считает реку Тор (Казенный Торец), а Каялой — речку Макастиху, впадающую в речку Голая Долина. Таким образом, по К. В. Кудряшову, театр Игоревых битв находился не далее 40 км от Изюмского перевоза (битва на Суюрлии в 40 км, битва на Каяле в 33 км от перевоза).

Мы не согласны с таким мнением. Во-первых, потому, что Сальница указана впадающей в Донец только в нескольких экземплярах одного печатного издания „Книги Большому чертежу“, причем из двух экземпляров этого издания, принадлежавших Спасскому, она указана только в одном. Следует отметить, что для этого издания использовано только три списка, описания которых не дано, в то время, как ныне известно 37 списков „Книги Большому чертежу“ и ни в одном из них Сальница не впадает в Донец. Трудно не верить 37 рукопис-

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь, стр. 55.

ным спискам, восходящим к протографу 1627 года, в свою очередь составленному на основании старого чертежа, который „сделан был... давно при прежних государех“,¹ и одновременно поверить нескольким экземплярам одного печатного издания.

Во-вторых, если и допустить существование Сальницы между Изюмом и Изюмцом, то она была ни более ни менее, как речушка, поскольку от нее даже следов русла не осталось, в связи с чем летописец не мог ее взять в качестве географического ориентира, тем более при наличии рядом с ней более значительных рек (Изюм и Изюмец). В древности, действительно, географические районы определялись часто названиями больших и общеизвестных рек, но они не определялись названиями рек и ручьев. Поэтому с точки зрения древних представлений можно было бы сказать в общей форме „пошли на Волгу“, „пошли на Дон“, но нельзя было сказать в такой форме, имея в виду речушку или ручей. В этом случае древние обязательно употребляли кроме названия понятие, определяющее величину или характер (река, речка, ручей, поток, яруга, овраг). Обратимся к примерам. В летописи под 1111 годом читаем: „в 5-ю неделю поста приидоша к Донови“, „во вторник... поидоша с Донови“, но „на потоце Дегея“, „на реке Сальнице“;² под 1185 годом: „хотя ити на половци к Донови“, „летовати на Доне“, „Давыд же приде до Днепру“, „влегоша во Днепр“, „поидоша к Сальнице“, но „идушим к Донцю реце“, „дойти реки Донця“, „на оной стороне реки Скурлия“, „к реце ко Суюрлию“, „реце Каялы“.³ Следовательно, в такой форме, как „оттуда поидоша к Сальнице“, летописец мог сказать только о реке, да еще общеизвестной, а не о ручье. Видимо, в связи именно с походом Мономаха в 1111 году Сальница стала общеизвестной и получила право называться без определяющего понятия „река“, в то время как в 1111 году летописец еще говорил: „и победиша а на реце Сальнице“.

В-третьих, взятое само по себе название реки или речки еще ничего не говорит и не может служить краеугольным камнем исследования, ибо в топонимике нашей страны можно найти много рек и городов с одноименным или однокоренным названием. С основой „Сал“ названий тоже много; так, например, „Книга Большому чертежу“ отмечает три Сала, впадающие в Дон, а также Саян, Салмыш, Салым и даже Сальницу, впадающую в Баренцево море („от Мытны речка Торна, от Торны 20 верст речка Сальница“).⁴ Наконец, если даже допустить существование около Изюма большой реки Сальницы, то и тогда нельзя театр Игоревых битв относить к ее району, так как ряд летописных указаний свидетельствует, что летописная Сальница находилась где-то у Дона, а не у Донца. Это явствует, например, из подробного описания похода русских князей с участием Мономаха в 1111 году.

Ясно, что поход Игоря был совершен не на Донец, а на Дон, так как и Московский летописный свод и Ипатьевская летопись называют эту реку. Об этом же свидетельствуют и другие летописи, содержащие краткие сообщения о походе Игоря. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи, например, говорится: „Иде Святополк, Володимирь и Давыд и вся земля просто Руская на Половце, и победиша я,

¹ Книга Большому чертежу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 7, 38, 49.

² ПСРЛ, т. XXV, стр. 26.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 166—169.

⁴ Книга Большому чертежу, стр. 159.

и взяша дети их и город по Дънови Сугров и Шарукан".¹ Отсюда видно и то, что половецкие города Сугров и Шарукань были расположены на Дону, а не на Донце. Об этом же говорят и другие летописные данные. Так, например, характеризуя поход на половцев в 1116 году, Лаврентьевская летопись говорит: „В том же лете Ярополк ходи на Половчскую землю к реце, зовомей Дон, и ту взя полон мног, и 3 города взяша половецкие: Галин, Чешюев и Сугров, и приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню“,² а Ипатьевская: „В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену красну велми, яьскаго князя дщерь полонив“.³

Между тем, К. В. Кудряшов вопреки смыслу летописей и „Слова о полку Игореве“ не только поход Игоря ограничивает Донцом, но в одном своем исследовании и походы русских князей 1109, 1111, 1116, 1120 годов относит к Донцу. Он пишет: „В смелых дальних походах 1111 и 1116 гг. при участии Владимира Мономаха русские разгромили в глубине Половецкой земли города Шарукань и Сугров и Балин, лежащие между Северским Донцом и Тором. К тому же району относится и поход 1109 г., когда «У Дона Дмитр Иванович тысячу веже взял». Из описания походов черниговских князей Ольговичей известно, что в 1120 г. Ярослав «ходи на половцев за Дон», следовательно — опять за Донец. Известный поход Игоря Святославича 1185 г. был совершен также за Донец к нижнему Тору“.⁴

Какое основание имеет К. В. Кудряшов не доверять согласным указаниям различных списков летописи? Мы такого основания не видим. Нет оснований допустить и ту мысль, что в XII веке наши предки не различали двух больших рек, если они различали более мелкие реки, как их различал и автор „Слова“, говоря: „Игорь мыслию поля мерит от Великого Дону до малаго Донца“.

К. В. Кудряшов упускает из виду и то, что русские не могли путать Дон с Донцом уже по одному тому, что название „Дон“ иноязычное (видимо тюркское), а „Донец“ — русское, образованное от иноязычной основы по правилам русской грамматики, как слова „сыновец“, „Киевец“, „столец“. Окончание „ец“ имеет уменьшительное значение и указывает на соотношение двух предметов, в названиях рек — это отношение притока к реке или отношению двух притоков разной величины, впадающих в одну реку-мать (ср.: Аксай — Оксенец, Изюм — Изюмец, Оскол — Осколец, Тор — Торец, Ингул — Ингулец).

Наши предки не могли путать двух рек еще и потому, что начиная с древнейших времен им были известны все крупные реки на побережье Каспийского, Черного и Азовского морей. Б. А. Рыбаков совершенно правильно отмечает, что „русские купцы плавали по Балтийскому морю, доходили до центральной Европы, бывали в Палестине, пробирались в Биармию, прекрасно знали берега Каспийского и Черного (Русского) моря“ (разрядка наша, — В. Г.).⁵ Русские купцы и воины

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 203.

² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 207.

³ Повесть временных лет, т. I, стр. 201.

⁴ К. В. Кудряшов: 1) Местоположение половецких веж. Труды Института этнографии им. Микалухо-Маклая, т. I. Памяти Д. Н. Онучина, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 108; 2) Половецкая степь, стр. 133.

⁵ История культуры древней Руси, т. I, стр. 315.

нередко за один поход перекрывали огромные пространства, спускаясь по Днепру в Черное море, огибали Крым, пересекали Азовское море, затем, поднявшись вверх по Дону и пройдя волоком по трассе нынешнего Волго-Донского канала, спускались по Волге в Каспийское море.¹

В верховьях Дона русские жили, а в низовья ходили, и поэтому смешивать Дон с Донцом они не могли. Все это, конечно, известно К. В. Кудряшову. Он и сам в своей книге „Половецкая степь“ (стр. 109) свидетельствует об осведомленности русских в географии Подонья, говоря: „Залозный путь с давнего времени связывал Поднепровье с устьем Дона, Тмутороканью и Хазарией“. Но когда Кудряшов приходится рассматривать в этой же книге поход Владимира Мономаха на Дон в 1111 году и поход Игоря в 1185 году, он, пренебрегая летописными источниками, стремится доказать, что наши предки не различали Дона и Донца, в связи с чем битвы, происходившие на Донце, отнесли к Дону. Если бы Мономах разбил половцев на Донце, в районе Изюма, то какой резон был бы хану Отроку бежать за Железные Ворота (Дербент), за 1200 км от Изюма? Между тем, если половцы были разбиты на своих зимовищах у Дона и Сала, то бегство за Дербент вероятно. Если бы походы Мономаха не были далекими и значительными, о них не вспоминали бы позднее летописцы, а потомки Мономаха не подражали бы ему.

Московский летописный свод под 1129 годом, сравнивая Мстислава Владимировича с его отцом, говорит: „Володимер бо сам собою постоя у Дону и прогна безбожныа и много пота утер за Русскую землю. Тако же и сей Мъстислав посла воя своя, и загна половце не токмо за Дон, но и за Волгу“.² Лаврентьевская летопись свидетельствует, что в 1199 году „ходи... князь великий Всеволод Гюргиевич внук Володимеръ Мономаха на половци... Половци же, слышавше приход его, бежаша и с вежами к морю. Князь же великыи ездѣ по зимовищем их, и прочь възле Дон“.³ Ипатьевская летопись под 1201 годом указывает, что князь Роман „ревноваша бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во обезы, за Железная Врата... Тогда Володимер Мономах пил золотом шеломом Дон, приемшю землю их всю“.⁴

Почему же К. В. Кудряшов, которому все летописные данные о походах русских на Дон известны, в своих исследованиях, посвященных походам, приходит к неправильным выводам? Повидимому, найдя в нескольких экземплярах печатного издания 1792 года „Книги Большому чертежу“ указание на то, что в Донец между Изюмом и Изюмцем впадала речка Сальница, он решил, что существование этой речки неоспоримо и что она и есть летописная Сальница. Но в летописях Сальница связана с Доном и с городами Шаркунь, Сугров, Балин и другими, расположенными у Дона. Чтобы ликвидировать это противоречие, надо поставить под сомнение какой-то из противоположных источников, и К. В. Кудряшов, не решаясь посягнуть на достоверность одного сомнительного источника XVIII века, посягает на достоверность согласных указаний различных русских летописей, называя Дон Донцом и относя города Шаркунь, Сугров и Балин к среднему течению Донца. Далее он вынужден в связи с этим построением доказывать, что Игорь

¹ История культуры древней Руси, т. I, стр. 336—337.

² ПСРА, т. XXV, стр. 31.

³ М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 283.

⁴ Повесть временных лет, т. II, стр. 451.

совершил не глубокий конный рейд на Дон, а что в составе его войск были пешие воины (как-де у Мономаха в 1111 году), и это будто бы связывало быстроту движения и помешало Игорю достичь Дона.

Эти выводы у К. В. Кудряшова опираются на единственное место летописи, причем такое, которое допускает различное его толкование. То, что князья „соседоша с коней“ решили в пешем строю биться вместе с „черными людьми“, на наш взгляд, свидетельствует лишь о том, что при сложившейся тяжелой обстановке они сознательно лишили себя возможности „утеч“ „в мале дружине“, как подчас делали князья, а отнюдь не о том, что „черные люди“ были пешими.

Вопрос о том, как биться—в конном или пешем строю, помимо всего определяется и условиями боя. В конном строю легче преследовать бежавшего противника и легче бежать с поля боя, но с боем пробиваться в пешем сомкнутом строю удобнее, так как обе руки свободны и ликвидируется сумятица конных масс. Это верно во всех случаях и тем более в применении к русскому войску, которое издавна славилось особой стойкостью в пешем строю. У русских было даже традицией принимать решительный бой пешими, несмотря на наличие коней. Так, например, в 1096 году дед северских князей Олег потерпел поражение от Мстислава Владимировича именно в такой битве: „Мстислав же перешед пожар с новгородци, и сседоша с коней новгородци, и ступишася на Кулачьце, и бысть брань крепка, и нача одалати Мстислав“.¹ Под 1216 годом летопись сообщает, что когда перед Липецкой битвой князь Мстислав сказал новгородцам и смолянам: „«а к боеви поидете, кто како хошет, ли пешь, ли на коних», то новгородци ответили: «Мы на коних не хошем, но яко же отци наши билися на Колакши пеши...». И сседоша с конь и порты и сапогы сметаша...“.² Желание войска биться в пешем строю, „соседоша с коней“, свидетельствует о решимости стать насмерть. То, что полководцы, отдав команду ссесть с коней, и сами покидают коней, крепит моральную стойкость войска. Нам думается, что смысл поведения северских князей именно в этом.

Наконец, когда Игорь обсуждает план отступления, он ни словом не обмолвливается о пешцах, говоря: „Ныне же поедемы черес ночь; а кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучшии коньници переберуться, а самими как ны бог дасть“.

О конном составе войск говорят и другие данные. Так, из летописи неопровержимо явствует, что полки Святослава Ольговича, Владимира Игоревича, сводный полк стрельцов и полк ковуев, преследовавшие половцев, были конными, как и половецкие войска (половцы „поскочиша“, а русские „поткоша по них“).

Следовательно, пеших воинов можно искать только в оставшихся полках Игоря и Всеволода, но по смыслу заявления Святослава Ольговича — „Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати“³ — выходит, что и у Игоря и Всеволода было конное войско, если полки, „гонившие на половцах“ на уставших конях, могли отстать от полков Игоря и Всеволода: если бы у дядей было пешее войско, у Святослава такое опасение не появилось бы. Если к этому добавить еще и другие показания летописи и „Слова“, характеризующие полки Игоря

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 170.

² ПСРЛ, т. XXV, стр. 113.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 167.

и Всеволода как полки конные, то выходит, что все участники похода были конными — от князей до „черных людей“.¹

Утверждение о наличии пеших воинов позволяет К. В. Кудряшову сократить суточный переход Игоревых войск и доказать невозможность похода на Дон. Мы совершенно согласны с Б. А. Рыбаковым, когда он пишет в своей рецензии на книгу К. В. Кудряшова „Половецкая степь“: „Во многих разделах своей работы К. Кудряшов принимает за исходную величину дневной переход русских войск, произвольно определяемый им в 25 км (см. стр. 92, 117, 144). Даже там, где автор указывает исключения, он старается преуменьшить величину русского «днища». Между тем средняя цифра в 50 км для русских войск подтверждается источниками“.² Далее рецензент на богатом историческом материале показывает, что русские в различных походах покрывали по 50, 68, 70 и более верст в сутки. Опираясь на свои утверждения о размере дневного перехода, Б. А. Рыбаков должен был бы или отвергнуть вариант К. В. Кудряшова о месте битвы в районе Изюма, или, признавая этот вариант правильным, отвергнуть летописные утверждения о величине суточного перехода русских войск. У Б. А. Рыбакова же в одной статье уживаются, к сожалению, исключаящие друг друга положения.

К. В. Кудряшов, пытаюсь как-то согласовать указанное им место битвы в районе Изюма с показаниями летописи и „Слова“, указывающих место битвы где-то неподалеку от моря, приписывает летописцу, что он не различал море и озеро, полагая, что слова „а прочии в море истопоша“ означают „утонули в озере“ (по Кудряшову — в одном из Пригорских соляных озер). Он не желает замечать того, что понятия „озеро“ и „море“ в летописи различаются и употребляются каждое само по себе, например, в одном случае, „быху бо ся идуще вкруг при езере“, а в другом — „а прочии в море истопоша“.³ Он не хочет замечать и того, что в „Слове“ „морю“ сопутствует эпитет „синее“, а этот эпитет всегда русскими прилагался к настоящему морю, а отнюдь не к соляным озерам. Кроме того, в „Слове“ говорится о море, на берегах которого проживали еще готы („се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю“), т. е. Кудряшов не хочет замечать того, что речь идет о Черном море или сопредельном ему Азовском море.

* * *

Теперь на основании приведенных выше положений позволяем себе высказать несколько соображений, непосредственно относящихся к маршруту похода.

Возможно, что и в 1185 году Игорь решил воспользоваться недавними поражениями половцев и захватить их врасплох. Из Ипатьевской летописи известно, что Игорь „поеха из Новагорода месяца априля в 23 день во вторник“; Лаврентьевская же летопись говорит: „сняшася у Переяславля“.⁴ Принять последнее известие в буквальном смысле нельзя, поэтому мы, в согласии с К. В. Кудряшовым, понимаем это

¹ Многочисленные примеры того, что и „Слово о полку Игореве“ и летописные записи о походе Игоря имеют в виду только конное войско, приведены в кн.: В. Г. Федоров, Военные вопросы „Слова о полку Игореве“. М., 1951, стр. 45—46.

² Советская книга, 1949, № 11, стр. 34.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 168, 169.

⁴ Там же, стр. 165, 173.

как „у Переяславского княжества“, на рубеже которого находился северский город Путивль.

В „Слове“ сказано: „Комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ, трубы трубають въ Новѣградѣ, — стоять стязи въ Путивлѣ“. Отсюда делаем вывод, что центр стягивания войск был в Путивле, так как на это указывает нахождение в нем стягов, что трубы возвещают выход самого Игоря к Путивлю и что передовые отряды (сторожа) уже были за Сулою.

Полагаем, что для похода Игорь избрал кратчайший путь к месту слияния Донца с Осколом, во-первых, потому, что в походе, а тем более в дальнем, выгоднее идти кратчайшим путем, и, во-вторых, потому, что ему не было никакого смысла кружить у границ своего княжества.

Таким прямым путем мог быть путь от Путивля через Псел у современного города Сумы, через Ворсклу у Грайворона, через реку Уды к Кагальскому перевозу на Донце выше Чугуева и отсюда к Купянску на Осколе. Другой прямой путь мог проходить от Путивля через верховье Сулы, через Псел между Сумами и Лебедином, через Ворсклу между Тростянцом и Ахтыркой, через верховье Мерла у Краснокутска, затем минуя верховье Коломака, Орчика, Орели и Орельки справа и Мжи слева по-над Донцом к Савинскому перевозу¹ и затем к Осколу (выше от устья километров 30 по берегу). Хотя оба пути к Осколу почти равнозначны по расстоянию (325—370 км) и по удобствам передвижения, мы отдаем все же предпочтение второму, так как в „Слове“ есть намек на то, что сторожа переходили Сулу („комони ржуть за Сулою“), а кроме того, этот путь, видимо, был обычным для северских князей при походах на половцев (так, например, в 1183 году Игорь дважды ходил этим путем на Хирию и за Мерл).

Зная начало похода (23 апреля, вторник) и день, когда Игорь видел затмение на берегу Донца (1 мая), мы можем, имея в виду указанный нами маршрут, определить время, затраченное на переход от Новгорода до перевоза на Донце, расстояние и величину суточного перехода. Простой расчет показывает, что за 9 дней Игоревы войска покрыли 410 км, проходя в среднем по 45.5 км в день. Скорость не велика, однако летопись дает этому объяснение, говоря, что князя „идяхуть тихо, собираюче дружину свою, бяхуть бо и у них кони тучни велми“.²

Далее, независимо от того, на Кагальском или на Савинском перевозе переправились войска через Донец, они к утру четверга (2 мая) уже должны были быть у Оскола, так как от Кагальского перевоза до Купянска 50 км, а от Савинского до Оскола около 40 км. Здесь Игорь два дня, четверг и пятницу (2—3 мая), ждал Всеволода.

После встречи соединенные силы несомненно переправились через Оскол на его левую сторону в субботу 4 мая. В летописи говорится: „И оттуда поидоша к Салнице. Ту же к нимь и сторожеви приехаша, их же бяхуть послале языка ловить. И рекоша приехавше: «видихомся с ратными, ратници ваши со доспехом ездят; да или поедете борзо, или възворотимся домовъ, яко не наше есть веремя““. На это Игорь отвечает: „оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущей смерти. Но како ны бог дасть“. И тако угадавше, и ехаша черес ночь“.³ В этом отрывке несколько неясностей. Очень неопреде-

¹ См. карту № 3. Савинский перевоз отмечен в „Книге Большому чертежу“ (стр. 72, 74).

² А. С. Орлов, ук. соч., стр. 165.

³ Там же, стр. 166.

ленно указание „и оттуда пойдоша к Салнице“. Так можно сказать, имея в виду и ближайшую реку и конечный пункт похода, поскольку не указано ни расстояние до реки, ни время перехода к ней. „Ту же к ним и сторожеве приехаша“ — тоже неопределенно: то ли они приехали в момент отправки войск в поход к Сальнице, то ли тогда, когда войска достигли этой реки, то ли на пути к ней. В связи с этим не ясно и откуда „ехаша черес ночь“ — отправлялись ли они от Оскола или от Сальницы или от какого-то пункта на пути к ней.

Допустим, что „и оттуда пойдоша к Салнице“ означает не завершённое действие, а только его начало. Тогда выходит, что и остальные приведенные выше показания летописи подразумевают то же. В этом случае получается, что первая битва произошла на расстоянии однодневного пути („ехаша черес ночь“), т. е. в 50—60 км от места встречи братьев, что маловероятно, какой бы мы пункт встречи на Осколе не избрали. Далее получается, что битва произошла в 260 км от Дона (если иметь в виду юго-восточное направление), в то время как весь контекст „Слова“ говорит о том, что она произошла недалеко от Дона.

Но есть еще один решающий аргумент. И в „Слове“ и в летописи говорится, что первая битва состоялась в пятницу; если же предположить, что русичи „ехаша черес ночь“ от Оскола, то бой должен был бы произойти не в пятницу 10 или 17 мая, а в ближайшую субботу или воскресенье, ибо в среду 1 мая Игорь видел у Донца затмение, четверг и пятницу (2 и 3 мая) ждал брата, а в субботу, видимо, двинулся от Оскола.

Значит, указание летописи „и оттуда пойдоша к Салнице“ говорит о том, что, отправившись от Оскола в субботу 4 мая, Игорь спустя минимум 6 дней, т. е. в пятницу 10 мая, достиг реки, носившей название „Суюрлий“. Далее, район битвы должен отвечать следующим требованиям, вытекающим из „Слова“ и летописных данных: он должен находиться близко от Дона; это место должно быть не так далеко от моря; надо, чтобы тут же неподалеку от Дона была какая-то река, которую можно принять за Каялу, и чтобы недалеко от этой реки было озеро; надо, чтобы это место находилось на небольшом расстоянии от Донца.

Указанным требованиям отвечает район хутора Костырычного Константиновского района Ростовской области. От моря он находится на расстоянии 130 км (это, конечно, не у самого моря, но намного ближе, чем район Изюма). Если за центр второй битвы принять одно из озер, находящихся в этом районе, — скажем, озеро Песчаное, — то от него до Дона 10 км, до Донца 20 км, до устья реки Быстрой 40 км, а в 3 км от озера протекает река Кагальник.

Если принять этот вариант, то выходит, что Игорь (двинувшись от Оскола и проходя в день по 50 км) мог встретить Суюрлий на расстоянии 300 км от Оскола. На таком расстоянии находится река Быстрая, которую и можно принять за Суюрлий. Для такого отождествления можно найти основание в самом названии реки. По-тюркски „быстрая“ или „резвая“ значит „юрюк“ (см., например, в „Книге Большому чертежу“ — „а сверху реки Яика пала в Яик река Семар, по-нашему Резвая¹), а „су“ означает и „вода“ и „река“; таким образом, эта река половцами могла называться „Суюрюк“ (Zuürük), т. е. „Быстрая река“ или „Резвая река“. Трасса пути к этой реке могла пере-

¹ Книга Большому чертежу, стр. 92.

секать (если место встречи братьев было у Купянска) верховья рек Красной и Айдара, а потом по междуречью притоков Донца и реки Белой Калитвы спуститься к реке Быстрой.

Если же предполагать, что место встречи братьев находилось на Осколе против Савинского перевоза, то трасса пути могла пролегать параллельно течению Донца, пересекая низовья его притоков.

В течение пятницы полки Игоря и Всеволода, идя за полками, погнавшимися за половцами, могли пройти от Быстрой расстояние в 50 км до станицы Николаевской или в 40 км до хутора Костырычного, где могли быть половецкие вежи, и здесь остановиться, в то время как передовые полки могли продолжать, еще преследование половцев вдоль Дона (на восток). Можно допустить, что русские, окруженные противником в этом месте, начали бой в субботу и в пешем строю стали пробиваться на запад к Донцу, но, дойдя до расположенных у Кагальника озер, у одного из них потерпели полное поражение.

Этот вариант мы считаем наиболее вероятным, поскольку он согласуется со всеми источниками, но не отвергаем и той возможности, что битвы происходили за Доном. Однако в последнем случае, опираясь на Ипатьевскую летопись („оттуда поидоша к Салнице“) и Устюженский летописный свод („и поиде Игорь... за Дон з двема сыньми и братаничи“), приходится ставить под сомнение указание Лаврентьевской летописи о том, что князья только похвалялись пойти за Дон. Если все же это сделать, то тогда под Сальницей надо безусловно разуметь Сал.

Однако тут мы встречаемся с интересным обстоятельством: согласно „Книге Большому чертежу“, в Дон с ногайской стороны впадал не один Сал, а три, именно Черный Сал, Сасык-Сал и Юрик-Сал. Предполагать ошибку нет оснований, так как каждой из рек дана характеристика (протяжение, расстояние устьев друг от друга).¹ Приходится прийти к выводу, что эти реки действительно существовали, и в этом нет ничего невероятного, так как в степных местах, как это доказано наукой, реки кочуют. Возможно, что эти реки затем слились в одну, а их истоки остались на положении притоков.

В „Книге Большому чертежу“ сказано, что Черный Сал пал в Дон в 40 верстах от реки Аксай.² На этом расстоянии действительно есть устье какой-то реки, которое простирается на юг от Дона на расстояние около 20 км; причем это устье (называемое протокой Баклановской) смыкается с балкой Карагичев Лог, которая в свою очередь смыкается с балкой Ерик, уходящей на юго-восток и упирающейся в Сал. Возможно, что древний Черный Сал — это и есть нынешний Кара-Сал, или Джурак-Сал, и часть нынешнего Сала, который впадал по теперешним балкам в Дон.

В „Книге Большому чертежу“ сказано, что на расстоянии 90 верст от Черного Сала находилось устье Сасык-Сала. На этом расстоянии теперь находится устье протоки Старый Дон. Возможно, что Сасык-Сал — это нынешний Гашук и часть современного Сала от селения Веселого до хутора Капылков, где с Салом смыкается система балок, которая в свою очередь смыкается с протокой Старый Дон.

¹ Книга Большому чертежу, стр. 86.

² В „Книге Большому чертежу“ ошибочно сказано, что Черный Сал впадает в Дон в 40 верстах ниже реки Тальника (Кагальника). Надо было сказать „ниже реки Аксай“, так как предыдущее перечисление рек на ногайской стороне доведено только до Аксая, Тальник же является конечным пунктом перечисления по крымской стороне.

В „Книге Большому чертежу“ далее сказано, что от Сасык-Сала до Юрик-Сала 40 верст; на этом расстоянии находится устье глухой донской протоки, которая простирается на юго-восток более 20 км. Допустимо, что река Юрик-Сал брала свое начало от устьев реки Куберле, текла по руслу нынешнего Сала до совхоза № 36 и затем, поворачивая на северо-запад, смыкалась с современной протокой Дона.¹

Таким образом, можно допустить, что русские войска, переправившись где-то в районе впадения в Дон Сасык-Сала и пройдя от него 36 км в течение ночи, очутились на берегу Юрик-Сала (примерно в районе хутора Вислого), который и можно отождествить с Суюрлием, поскольку он мог называться и „Салюрюк“ (Salürük)—с постановкой прилагательного на второе место. Название „Салюрюк“ могло русскими быть искажено в „Суюрлий“. От устья Оскола до Юрик-Сала 390 км; значит, для того чтобы перекрыть это расстояние, Игоревы полки должны были совершать по 65 км в день, что для конного войска вполне возможно.

Перейдя Юрик-Сал, полки Игоря и Всеволода могли в течение пятицы пройти 40 км вслед за передовыми полками, преследующими бежавших половцев, и остановиться в районе, скажем, хутора Карповка, где, можно предположить, находились полководце вежи. С утра в субботу, пробиваясь к устью Донца, русские могли в воскресенье оказаться против озера Хомутец или у самого Хомутца, где они и „полегоша за землю русскую“.

Если за центр битвы принять озеро Хомутец, то Дон от этого пункта будет в 6 км, устье Донца—в 15 км, а море—в 110 км. В непосредственной близости от озера находится нынешняя протока Суссат, которая могла вместе с Подпольной, соединяющей ее с Манычем, быть основным устьем реки Маныча, поскольку в „Книге Большому чертежу“ устье ее указано именно в этом месте („а ниже реки Юрик-Сала 30 верст пала в Дон против Раздоров донецких река Маныча“).² Маныч и мог быть „Каялой“.³

Нам не кажется особенно странным даже отождествление с Каялой реки Кагальник, впадающей восточнее Дона в Азовское море. Во всяком случае, для этого больше оснований, чем для того, чтобы отождествлять с ней речку Макастиху в районе Изюма. За исключением отдаленности от Донца все прочие данные удивительно совпадают с показаниями летописи и „Слова“. Так, например, если за центр битвы принять озеро Лебязь, то Дон будет находиться в 6 км, река Кагальник (Каяла)—в 10 км, а море—в 20 км. Конечно, в этом случае надо допускать, что Игорь двигался от Оскола довольно быстро, проходя в день по 70 км, в чем ничего нет невероятного, если иметь в виду указания летописей о скорости движения русских войск и указания „Книги Большому чертежу“, в которой говорится: „а от Царева города (в устье Оскола, —В. Г.) до Перекопи скорою ездою ехати 5 дней, а с телегами ехати недели две“.⁴ От устья Оскола до Перекопа Муравским шляхом 600 км; но если даже взять путь по прямой, то и тогда, чтобы его достичь за 5 дней, надо делать в день по 90 км.

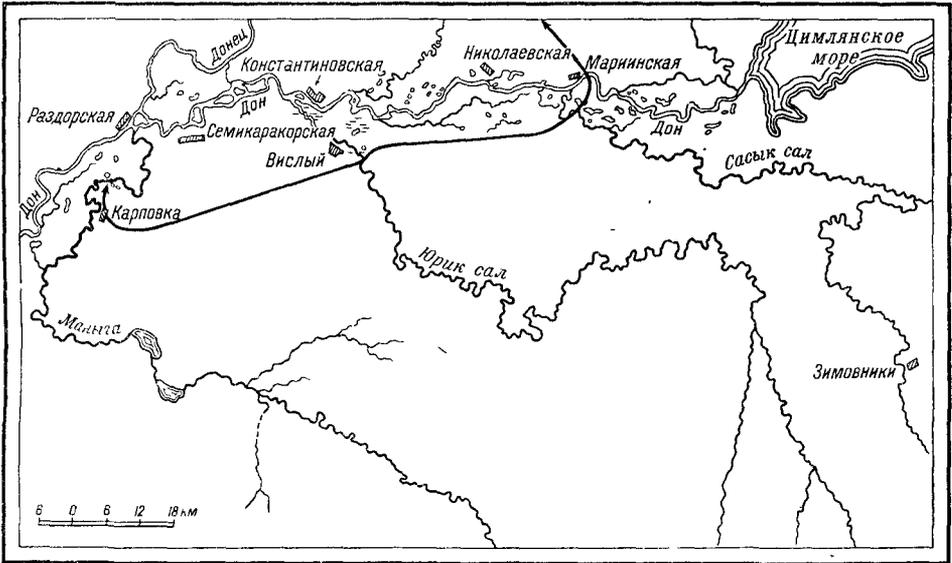
¹ См. четырехкилометровую карту Ростовской области, изданную Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР в 1947 году, или шестикилометровую карту Ростовской области, изданную этим же управлением в 1952 году.

² Книга Большому чертежу, стр. 86.

³ О реке Маныч см. в кн.: А. Ф. Самохин. Дон и его притоки. Ростиздат, 1948, стр. 59—68.

⁴ Книга Большому чертежу, стр. 67.

В заключение хотелось бы сказать о том, что, быть может, не так не правы те, которые видят в слове „Каяла“ не собственное имя, а имя нарицательное.¹ По-турецки „Kayalı“ („Каялы“) — „скалистая“, „каменистая“, „твердокаменная“, что очень правдоподобно объясняет содержание понятия, вложенного в „Каялу“ „Слова о полку Игореве“, но возможно и то, что основанием для названия этой реки послужило понятие, отражающее событие, разыгравшееся на ней. По-турецки „Kiyaklik“ („Кыяклык“) — „безжалостность“, „жестокость“, отсюда „Kiyal“, „Kiyali“ („Кыял“, „Кыялы“) — „преступная, жестокая“.²

Карта № 1.

Таким образом, под Каялой можно иметь в виду реку с действительно существовавшим названием „Скалистая“, но можно видеть и реку, которую из-за трагического исхода Игоревой битвы русские могли назвать „жестокой“, „преступной“, выразив это название, в связи с тем что эта река половецкая, на половецком языке.

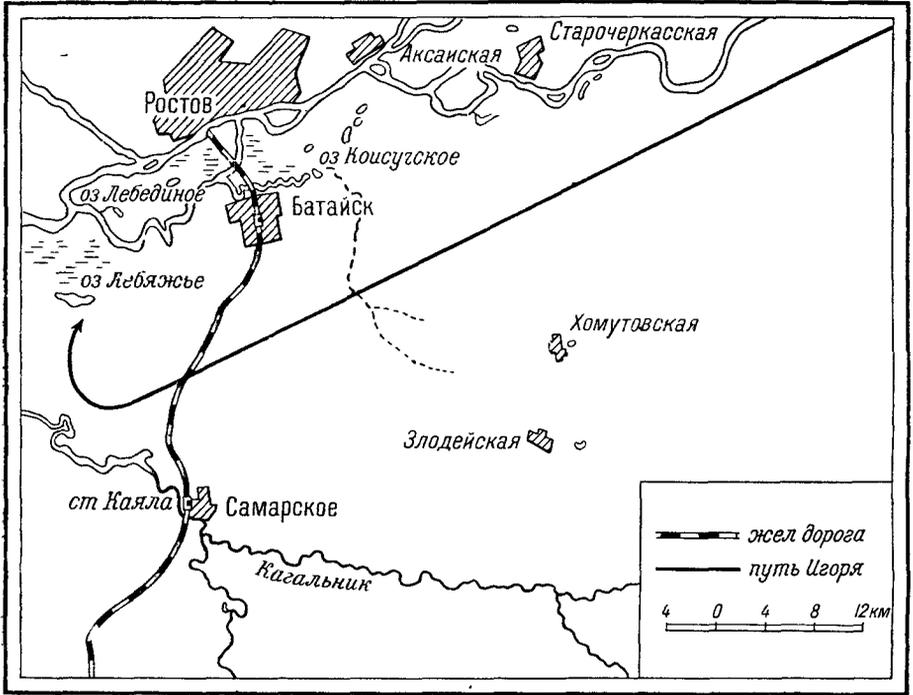
В этом случае фраза „С тоя же Каялы Святополк повелея отца своего“ приобрела бы тот смысл, что на подобной же „жестокой“ реке погибли великий князь Изяслав и молодой и храбрый Борис, которого сюда „слава на суд приведе“, как и Игоря на „безжалостную“ половецкую реку.

Однако, если автор „Слова“ реку, на которой разыгралась кровавая трагедия Игоревых войска, действительно назвал „жестокой“, „преступной“, то он, будучи последовательным, должен был бы назвать

¹ Последним по времени исследованием этого направления является статья Л. А. Дмитриева „Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве»“ (Труды ОДРА, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, т. IX, стр. 30—38).

² Русские могли „Каялы“ произносить как „Каяла“, так как мена одной гласной на другую свойственна и славянским и тюркским языкам (см.: С. Е. Малов. Тюркизмы в языке „Слова о полку Игореве“. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946), тем более она обычна в отношении слов иностранного происхождения.

реку, на которой Игорь одержал победу, в каком-то противоположном значении. На основе турецкого языка можно образовать слова, весьма близкие по звучанию к слову „Суюрлий“. Приведем два таких образования. По-турецки „ugurlu“ („угурлу“) — „счастливая“, „предвещающая счастье“, вместе с „Су“ — „Suugurlu“ („Суугурлу“), т. е. „счастливая река“, „река, предвещающая счастье“. Далее, по-турецки „erlik“ („ерлик“) — „мужество“, „храбрость“, „отважность“, отсюда „Suerlik“,

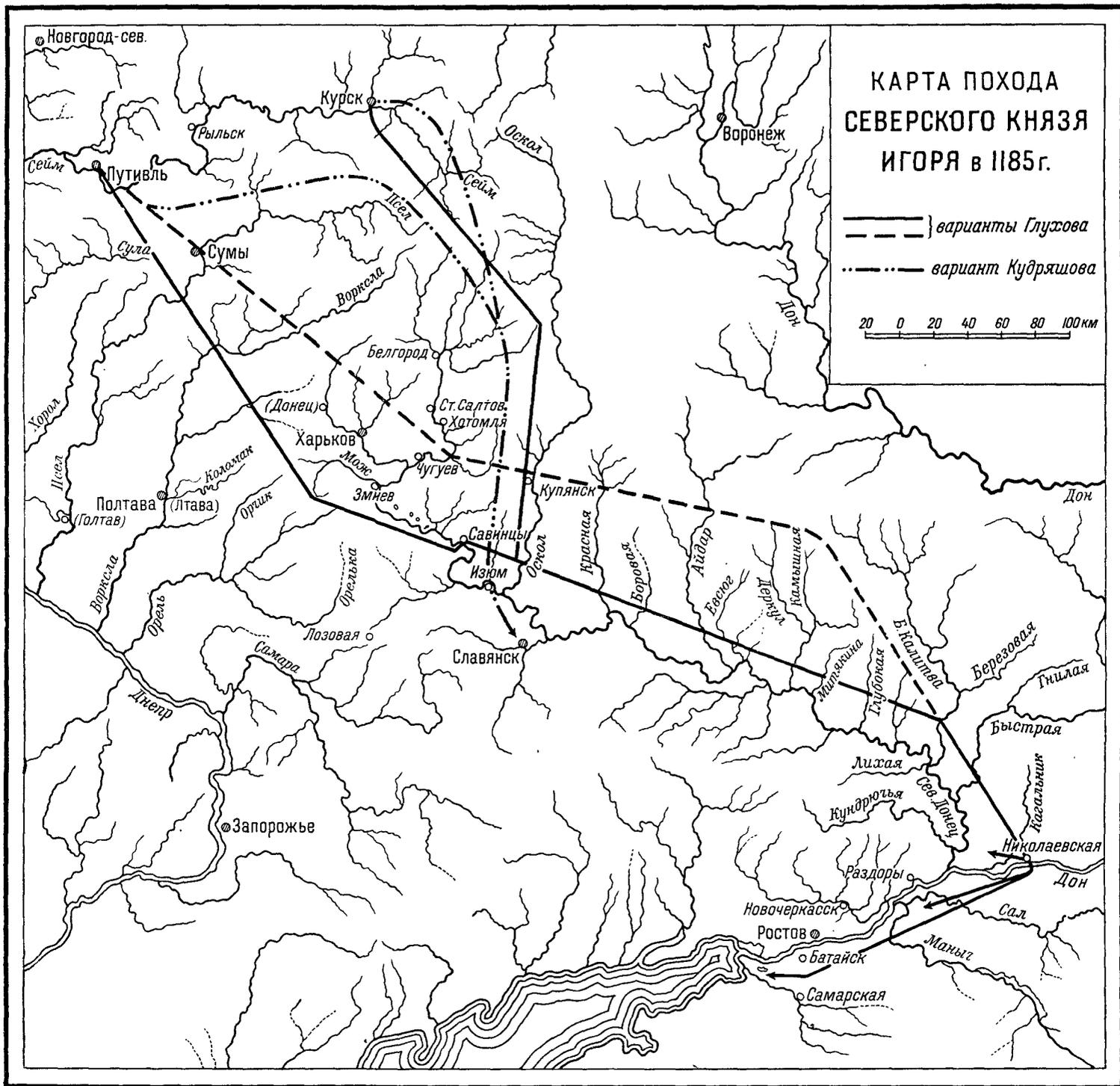

Карта № 2.

„Suerli“ („суерлик“, „суерли“) — „река мужества“, „мужественная река“.

Ничего нет невероятного в том, что одно из этих значений („счастливая“, „отважная“) легло в основу названия реки, на которой русичи, отважно сражаясь, счастливо окончили битву.

Итак, в своих заметках мы стремились в меру своих сил доказать, что Игорь во исполнение своих целей не только направился к Дону, но достиг его, что же касается определения конкретных маршрутов похода и мест сражений, то здесь мы наметили только общие пути исследования этого вопроса, опираясь на известные уже варианты, стремясь доказать, что любой из донских вариантов более правдоподобен и более согласуется с источниками, чем любой из донецких вариантов.

Карта № 3.